

Гарфанг

Тантра для двоих неспящих

1

Там

Иначе случиться просто не могло. Едва увидев ее, я заранее был обречен.

Нет, я совершенно далек от фатализма, и любые рассуждения отчаявшихся неудачников на тему «что ж, такова судьба» во мне ничего, кроме ироничной ухмылки, не вызывают. Но есть события, последствия которых просто не могут быть не разрушительными...

Таким событием стало для меня появление бледно-розового, слабо светящегося облачка, которое, едва покачиваясь, плыло в голубоватой дымке. Невольно задержав на ней взгляд, я тут же очутился рядом — в этом слое реальности любое перемещение происходит именно так — ты думаешь о чем-то или желаешь чего-то, и уже через миг оказываешься прямо там, где хотел быть.

И я оказался там, где хотел быть — рядом с девушкой, обернутой легкой пеленою розового

облака. На ее губах застыла какая-то мечтательная улыбка, а глаза смотрели прямо перед собою невидящим взглядом. Она спала — спала крепко, как и множество других людей в разноцветных, сотканых из дыма коконах, плавно перемещающихся по зыбкой долине Сновидений. Я редко забредал сюда в своих путешествиях — слишком унылою и однообразною была картина. Ну что за радость рассматривать непрестанно меняющийся свои очертания дым, из которого сотканы сновидения миллионов — миллиардов спящих. И просто прекрасно, что это измерение сколь угодно велико, чтобы вместить в себя всех этих невольных ночных странников, да и не только их, и много чего еще — иначе долина Сновидений превратилась бы в мегаполис почище любого Нью-Йорка...

Девушка спала. На ее длинных ресницах почему-то мерцали блески света, и это было так неожиданно красиво, что я, замороженный, решил сопровождать свою «находку» в ее бесцельном путешествии.

Девушка двигалась плавно, с какой-то завораживающей грацией, если такое только можно сказать о движении кокона со сгустком энергии внутри, повторяющем очертания человеческого тела — тела, которым владеет каждый из нас, живущих на Земле. Пожалуй, в другую эпоху ее бы

назвали красавицей, но в наш жесткий век минимализма и худосочных моделей округлые женственные формы ее тела не претендовали называться идеалом. Но другая красота, недоступная глазу там, на Земле, окружала ее со всех сторон волнами теплого сияния и беспрекословной, всеобъемлющей нежности...

Она была прекрасна.

И, любуясь со стороны этим неожиданным подарком случая, я — как никогда — жалел, что не могу разбудить ее — она меня просто не увидит. Еще несколько часов — или мгновений? (время тут тоже движется по какой-то своей, весьма хитрой траектории) — и она навсегда уйдет из зоны моего восприятия. Скорей всего, я больше никогда ее не увижу.

— Как жаль, что я ничем не могу тебе помочь, — с сожалением сказал я девушке.

— Что-то я не слышал, чтобы она просила тебя о помощи, — раздался вдруг за спиною знакомый насмешливый голос. От неожиданности я едва не подпрыгнул.

Асмэль!

Не смотря на то, что мы знакомы уже давно, все равно никак не могу привыкнуть к его неожиданным появлениям. Даже то, что в этом слое реальности видишь не только глазами, а как бы ощущаешь предметы и существа сразу всем телом,

но моего знакомца, кажется, это правило не касается — вижу я его только тогда, когда этого хочет он сам.

Я обернулся на голос и увидел ухмылку на смуглом лице юноши. На вид ему было что-то около двадцати лет, а сколько на самом деле — об этом можно было только догадываться. Но встречая прямой взгляд его пронзительно-синих глаз, я не решался гадать об этом. И хотя он знал обо мне даже больше, чем мне хотелось бы, я сам не знал о нем ровным счетом ничего кроме его имени, и то, если имя, конечно, было настоящим.

А теперь этот смуглый, изящного сложения молодец с почему-то темно-синими вечно растрепанными волосами до плеч и спадающей на глаза фиолетовой челкой висел в воздухе рядом со мной и насмешливо кривил в улыбке рот.

— Тьфу ты! — почти что выругался я. — Что за дурацкая привычка — выпрыгивать, как чертик из табакерки?

— И тебе привет, — снова улыбнулся Асмэль. — Ну и чем ты тут занимаешься? Отдыхали, как умели, развлекались, как могли? Чего это тебя на ходячих трупов потянуло?

— Какие трупы! — возмутился я. — Обычные люди.

Асмэль только презрительно передернул плечами:

— Ну, я же и говорю — трупы ходячие.

Я только махнул рукой — сейчас у меня не было никакого желания с ним спорить. Хотя в любое другое время я был бы рад его обществу — вменяемых собеседников мне приходилось встречать тут не так часто.

— Где она?

Пока мы с ним общались, мое розовое облачко, которое вот только что висело здесь, куда-то пропало.

— Кто?

— Девушка!

Чувство, охватившее меня, было близким к отчаянью — сам не знаю, почему. И Асмэль этого, конечно, не мог не увидеть — здесь любая эмоция обретает форму и цвет.

— Да их тут — видимо-невидимо! — неопределенно махнул он рукою в сторону клубящегося тумана, что тянулся во все стороны от нас. — Лови любую. Все равно они все ни живы, ни мертвы — какая разница?

— Много ты понимаешь, — вздохнул я, все еще в надежде оглядываясь. Но зря — моей, с позволения сказать, знакомой нигде не было видно. И серые кольца струящегося тумана почему-то начали вызывать жгучую тоску.

Асмэль еще раз пристально взглянул на меня, хмыкнул еще более презрительно — и исчез так же

неожиданно, как и появился.

Обиделся...

Настроение пропало окончательно;
путешествовать никуда больше не хотелось, и мне
ничего не оставалось, как...

Проснуться.

2

Оля всхлипнула и проснулась. Не открывая глаз, она попыталась вспомнить обрывок из быстро тающего сна. Но связи между яркими лоскутами ночных видений стремительно рвались, пока в зыбком мареве памяти не осталось только чье-то лицо — лицо мужчины. «Ничем не могу тебе помочь», — кажется, это он сказал перед тем, как она проснулась.

Оля вздохнула и открыла глаза. Словно вторя ее жесту, тут же проснулся будильник: нарочито задорная мелодия уже давно не вызывала никаких эмоций, как и подъём в шесть утра.

Ольга Нетешина — начальник отдела крупной торговой компании, просыпалась по старой привычке за несколько минут до звонка будильника.

Обычные утренние процедуры, завтрак, макияж...

Семь двадцать.

Оля еще раз посмотрела в окно на неожиданно яркое сентябрьское утро и решила не брать зонтик.

Последний взгляд в зеркало перед выходом на улицу: по ту сторону зеркала стояла среднего роста молодая женщина, чуть полноватая, в строгом темно-синем костюме, поверх которого наброшен легкий серый плащик. Золотистые волосы аккуратно уложены в модную прическу, светлые брови подведены коричневым карандашом. Неяркая помада, белый шарфик на шее. Безупречный «фейс-контроль».

Со стуком открылся замок входной двери — и Оля вышла во внешний мир.

3

Тут

Не по-осеннему яркий солнечный свет скользил по мутному стеклу кухонного окна. Лениво ковыряясь вилкой в тарелке с вермишелью (наверное, «Мивина» была придумана специально для холостяков, которых никто не кормит по утрам домашними завтраками), я разглядывал грязные потеки на стекле. С той стороны все-таки, или с этой? Надо было бы помыть окно. Когда, кстати,

оно в последний раз мылось? Кажется, еще когда мама жила дома. То есть — два года назад.

Два глотка горячего кофе — и завтрак завершен. Тарелка с чашкой отправились в раковину, где уже громоздилась горка невымытой посуды.

Не глядя в зеркало (все равно ничего нового там не увижу), обул кроссовки и набросил спортивную куртку на плечи. Все. Готов к труду и обороне.

Пять минут до стоянки вдоль улицы, утыканной громоздкими телами пятиэтажек. Несколько худосочных кленов понемногу сбрасывают листву, обмытую очередным дождем. Блестящие в лучах уже давно по-осеннему скупого солнца лужи.

Еще один день из обоймы похожих между собой рабочих будней.

А вот и она, боевая подруга — выдавшая виды ГАЗелька, мой кусок хлеба на колесах. Один поворот ключа — и железное сердечко радостно застучало под капотом. Нас снова ждут светофоры и пробки столичных дорог...

Давно знакомая площадка за огромной тушей строительного супермаркета. Теперь — стоять и ждать, пока поступит заказ и мы с моей боевой лошадкой потащим какому-нибудь счастливому новоселу (или не очень счастливому, попавшему в

кабалу ремонта) заказчику то, что он выбрал.

Старенькая автомагнитола сразу поймала «Радио-рокс».

«Волки уходят в
небеса,
Горят холодные
глаза»

— негромко зазвучало в кабине. Карандаш и блокнот в бардачке — маленькая слабость, в которой я себе не отказываю. Карандашные наброски, отражения мимолетных мыслей... Все ж лучше, чем жевать жвачку ненужных и нескончаемых разговоров с мужиками — другими водителями — по большей части такими же неудачниками, как и я. Что мы можем дать друг другу? Лишний раз убеждать себя и кого-то еще, что жизнь — дерьмо? Это я и сам знаю. Но есть моменты, которые все же заставляют в этом усомниться...

Карандаш — кажется, сам по себе — уверенно вел мою руку по бумаге, где тонкие штришки складывались в портрет — задумчиво-мечтательное лицо и какая-то неприкаянная теплота в глазах. Кто ты, незнакомка, розовое облачко из сна? Пусть даже сон был не совсем сном, но беда в том, что эти две реальности живут по разным законам. Это

значит, что у меня почти нет шансов встретить тебя тут... Да и там тоже.

Почему я думаю о ней? Или просто она — воплощение уже когда-то придуманного мною образа?

Портрет незнакомой девушки чуть улыбался полными губами, глядя на меня слегка удивленно.

— Эй, Ворон! Уснул ты, что ли?

Рыжая щетина на упитанной физиономии менеджера, мутноватые глаза — скорей всего, парень вчера выпил лишнего.

— Твой заказ.

Молча принимаю бумаги — другая рука в это время поспешно прячет карандаш с блокнотом в бардачок — до лучших времен.

Работа...

Вечерняя дорога домой ничем не отличается от утренней, разве только что сделать небольшой крюк — в ближайший магазинчик за сигаретами и чем-нибудь съестным. В пакет к сосискам и хлебу отправилась еще и бутылочка дешевого вина.

А дальше, на автомате — закрыть двери, бросить в кипяток сосиски, подогреть бокал вина, бросить туда специи. Все-таки это гадко — пить одному. И грустно. Поэтому лучше сделать глинтвейн и заменить щепотку радости глотком горячего напитка.

Мне вдруг показалось, что я почти вижу, как она переступает порог, аккуратно цепляет на вешалку чуть влажный от вечернего тумана плащик. Мило улыбается, а я просто смотрю на нее, пока она щебечет что-то о прошедшем дне, о каких-то своих заботах... А потом берет из моих рук бокал с теплым глинтвейном и чуть смущается, когда соприкасаются наши пальцы...

Резкое шипение за спиной заставило меня вздрогнуть — это вода перелилась через края кастрюльки и залила голубой газовый цветок. Переваренные сосиски расплзлись, и болтались теперь в порозовевшей воде кусками чего-то непонятного.

Аппетит пропал окончательно.

Хорошо, что мама забрала кота с собой — у меня бедное животное давно бы околело с голода. Или превратилось в мутанта от непотребных харчей... Мама. Стоило бы позвонить ей. Но что я опять ей скажу? Веселым голосом буду рассказывать какую-то белиберду, пытаюсь убедить ее, что у меня все замечательно? А она будет подыгрывать, пытаюсь убедить меня, что верит... Чем мы можем помочь друг другу? Мы оба — птицы, прикованные к камням. Она — к парализованной свекрови, которая после смерти моего отца так и не оправилась, а я...

Нет, надо обязательно позвонить. Может

быть, завтра. Утром.

А сейчас...

Мужчинам, кого дома не встречают любимые, и кто не ждет по вечерам гостей, остается телевизор, книжная полка и еще Интернет — убежище для тех, кто не смог реализовать себя в реальном мире.

Лента новостей на экране услужливо предлагает на выбор россыпь катастроф и скандалов. И того и другого — слишком много. А может...

Вот. «Тысяча поцелуев» — случайный выбор из бесконечного списка сайтов, предлагающих знакомства. Полчаса тупого просмотра меняющихся женских лиц — красивых и не очень. Хотелось бы знать, что за их улыбками? Пресыщенность или пустота? А иногда, наверное — и то, и другое.

Еще какое-то время глаза путаются в строчках чужих, часто ничего не значащих разговоров.

Что я пытаюсь здесь найти? За что зацепиться?

Смешно.

Идиот.

Ну хоть себе сознайся, что именно ты ищешь. Так и введи в поисковике — «ищу розовое облако из своего сна».

Упёртость — не лучшее качество. Но для кого

мне быть лучше?

Второй бокал вина давно опустел. Но больше — нельзя, потому что тогда никакого осознанного сновидения не получится.

Упёртость...

4

— Это ты, Оленька?

— Да, мам, я дома! — привычно ответила девушка, разуваясь в коридоре. «Словно еще кто-то может вот так вот войти сюда и открыть дверь своим ключом», — подумала она.

Мама, как всегда в это время, сидела в комнате перед телевизором с вязанием в руках, просматривая очередной сериал.

— Ужин на плите!

— Да, мам. А ты?

— Я уже поела.

Чистая и до блеска вымытая кухня встретила Олю запахом свежих котлет и картофельного пюре.

Переодевшись в домашний халат и поужинав, Оля опустилась с чашкой чая возле мамы.

— Оленька, что нового на работе? — спросила мама, не отрываясь от телевизора.

— Ничего... Решили с Лидкой в тренажерный зал записаться. Будем ходить по четвергам и вторникам.

— Тренажерный зал — это правильно. Туда много мужчин ходит, может, с кем и...

— Я — на аэробику, ма. Туда мужчины не ходят... Ладно, я пока отдохну.

Почти укоризненный вздох себе вослед Оля предпочла не услышать.

В аккуратной спальне с кремовыми стенами и пастельного оттенка занавесочками было уютно и тихо — как всегда. Да и кому тут мусорить?

Чтобы чем-то занять себя, Оля включила ноутбук и вошла в сеть.

Новости, шоу, ролики... Все не то.

Почтовый ящик хранил в себе только ворох очередного спама.

«Сайт знакомств», — сами выбили пальцы в белой строчке поисковика — и сразу же бесконечный список ссылок.

— Сколько же на свете одиноких людей? — прошептала Оля и наугад направила стрелочку на один из адресов.

«Тысяча поцелуев». Банальное название, и немного пошлое.

Но раз уж она тут...

«Регистрация»

Ольга Нетешина, 27 лет, блондинка...

Честно отвечая на все дурацкие вопросы, Оля зарегистрировалась — она привыкла всегда

ДОВОДИТЬ ДО КОНЦА НАЧАТОЕ ДЕЛО...

5

Между-Между

То ли я слишком переволновался, то ли выпил лишнего, но заснуть у меня так и не получалось, хотя обычно — с тех самых пор, как я открыл для себя мир осознанных сновидений, со сном у меня не было особых проблем. Но время уходило, а сны всё не шли, и чтобы не тратить время на считание овечек — что якобы кому-то может помочь уснуть, я решил махнуть рукой на сон и сделать то, что уже давно не делал — погулять по городу ночью — без тела.

Не заню, почему, но вскоре после того, как я стал не-спящим, мне неожиданно открылся еще один мир. Был ли он продолжением нашего, или того, другого — мира снов, но будучи точной копией мира реального, он существовал в иной плоскости. Наверное, правильно было бы назвать его духовным миром. И если происходящее во сне не влияло почты никак на жизнь обычную, то всё происходящее в этом измерении, было неразрывно связано с миром физическим. И обитали тут существа и сущности разные — настолько, что

такие прогулки могли закончиться как угодно, и поэтому я относился к ним с осторожностью. Но на этот раз опасности я не чувствовал — и спокойно отправился блуждать между домами по сумрачным лабиринтам улиц.

Приглушенный свет из нескольких «живых» окон лениво выплескивался наружу. Гулять по ночному городу в этом состоянии — удовольствие странное. Расслабиться нельзя — слишком много опасностей могут подстеречь тебя в таком — на первый взгляд невинном — путешествии. А вот найдешь ли хоть что-то интересное...

Но интересное случилось почти сразу — слишком яркой была чужая мысль, слишком переполненной эмоциями — настолько, что я не мог ее не услышать.

«Чтобы остаться там, в облаках колючего сна, вместе с тобою. Но я знаю, что не нужен тебе...»

Что-то заставило меня остановиться и посмотреть в это окно, что светило тусклым желтым светом в ряду уже слепых других окон. Чем-то оно притягивало мое внимание и мне захотелось в него посмотреть. В ту же секунду я оказался на подоконнике и увидел странноватую картину — внизу, на полу сидел человек, закутанный в длиннополый банный халат. Изящная

рука, безвольно сжимающая карандаш. Коротко остриженные волосы палевого цвета — он беззвучно плакал, уткнувшись лицом в колени. Наполовину исписанный неровными буквами простой листок из тетради в клеточку валялся рядом. Я подошел и не удержавшись, прочитал то, что было на нем написано.

«Непролившаяся боль превращает мои глаза в темные озера, а ночь выпивает краску с моих щек. Снова утро, и снова зачем-то вставать, куда-то двигаться, вести пустые разговоры и тратить свое время на зарабатывание пропитания — чтобы и дальше вести бессмысленную игру. Усталость... Мне уже не тяжело выбросить окровавленный белый флаг и подбитым флагманом уйти в черную пропасть. На дно, в темноту. В бездну. Я больше не вижу смысла в пустом кружении. И только изодранная кривыми каракулями бумага иногда напоминает мне, что я живу. Живу... Но зачем? Ты видишь, что я медленно умираю, я даже уже не свечусь, как раньше. Тебе трудно будет меня найти, если вдруг захочешь отыскать. Из черной дыры в сердце медленно вытекают остатки силы — но слишком медленно, чтобы закончить все и сразу. Для чего, зачем? Твои глаза больше не встречаются с моими — их золотистый свет давно затерялся среди мрака. И на что надеюсь я, когда жду тебя,

шепча, как молитву, твое имя? Когда повторяю в пустоту...»

Дальше бумага была изорвана, так что невозможно было прочитать. То ли вином, пустой бокал из-под которого стоял немного в стороне, то ли кровью кое-где были заляпаны строчки. И глядя на этого человека я вдруг прочел его чувства — жгучую тоску и желтую усталость, темно-красное отчаянье и светло-голубую полоску — любовь, безнадежную и, как ему казалось, безответную. Но безответную ли?

На том конце голубой стрелы, уходящей в бесконечность — темное облако, в котором угадывается смутный силуэт. Черная, непробиваемая оболочка. А под ней вдруг — зелено-синее сияние, как прорывающийся сквозь асфальт живой росток. Тянущийся к голубой стреле робким белым светом... Невольная дрожь прошла по моей спине, и я внимательней посмотрел на недвижно сидящего человека. Кто ты? Как угораздило тебя полюбить существо из чужого, враждебного мира, способное сжечь тебя одним только взглядом? Отчего ты так печалишься по нем? Кто ты, переступивший слово «невозможно»?

Светлый росток вдруг спрятался под броню и темнота пошла волнами — мое присутствие здесь заметили, и лучшее, что я мог сделать, это поскорее убраться отсюда, пока не стало слишком поздно —

опасность в буквальном смысле материализовалась из воздуха.

«Не плачь. Все не так безнадежно, как ты думаешь. Любовь может многое — даже больше, чем мы о ней знаем», — сказал я вслух сидящему человеку прежде, чем исчезнуть из комнаты, а за моею спиною уже волновалось темное марево, увеличивая степень присутствия.

За долю секунды оказавшись в своем теле, я тяжело вздохнул.

Все. Путешествие для меня на сегодня окончено — лучше сидеть тихо и не высовываться пока — я так и не разобрался, с чем случайно столкнулся, но все мои чувства говорили, что лучше и не знать, на что способна демонесса, незримо охраняющая этого человека...

Дурак. Будешь знать, как заглядывать в чужие окна.

Но уже готовясь заснуть обычным сном, я вдруг с улыбкой подумал, что кем бы ни были те двое, благодаря моей любознательности они встретились сегодня ночью...

6

Там

Бесконечная равнина в кольцах волнующегося, подвижного тумана. Вот уже столько времени я болтаюсь здесь, и все больше кажется, что я лишь удаляюсь от своей цели. Но, если не знаешь, в какую сторону тебе двигаться, то не все ли равно?

— Кто-то ищет, где-то рыщет, и находит. Но не нас, — прозвучало у меня за спиной.

Ну, конечно же! Куда ж без него!

Но с другой стороны — я был рад снова видеть его глумливую физиономию с неестественного цвета волосами, спадающими на лоб.

Асмэль.

Это странное существо, сопровождающее меня с самого момента нашей встречи. Все (или почти все) обо всем знающее — и гордящееся своей самодостаточностью. Иногда я его ненавидел. Но чаще — жалел, что у меня нет такого друга там, в моей основной реальности. Кстати, «основная реальность» — это тоже его понятие. Он научил меня почти всему, что я умею здесь.

— Мне жалко туман. Ты скоро прожжешь в нем дырки своим бешеным взглядом, — заявил он, покачиваясь в воздухе в нескольких шагах от меня.

— Тогда тебе будет легче следить за мной.

От пущенной колючки во взгляде Асмэля заплясали кусючие искры.